

Олег Булычёв

Родился 31 марта 1968 г. в семье лётчика. Автор сборников рассказов «Экипаж, взлетаем», «Будни бывшего капитана», «Негр в лодке», «Остаться на высоте».

Член Союза писателей СПб. Финалист премии им. Н. В. Гоголя (2023).

Кавалер ордена Мужества. Имеет медаль «За отвагу» и награду «Белый окопный крест».

Людоед Фёдор

День начался с забавного приключения. На выходе с рынка у меня сдёрнули с макушки солнцезащитные очки. Худосочный негр, совершивший это злодеяние, стартанул с ускорением гепарда, сразу укрепив в мысли, что попытка догнать его будет верхом самонадеянности.

Камерунцы издавна считаются самыми быстрыми людьми на планете, поэтому желание сломать воришке нос я в себе подавил как невозможное в реализации. Я сделал всё, что мог, в этой ситуации: то есть крикнул в сторону убежавшего слова недовольства. То ли мой обидчик оказался полиглотом, то ли слова, которые у меня вырвались прямо из глубины души, были известны даже на чёрном континенте, не знаю, но тот мгновенно тормознул, обернулся, глянул на меня, передал очки стоявшему рядом продавцу пацифлеров и, что-то буркнув, указывая в мою сторону, скрылся.

Продавец, возвращая очки, на миксе французского и сахэ, пояснил: парень принял меня за американца, а если б знал, что русский, то никогда бы так не поступил, он извиняется и прочее.

Одним словом, водрузив на макушку возвращённый Polaroid, я, довольный, продолжил движение в сторону служебного автобуса, подумав по пути, что в этой африканской стране лучше быть русским, чем американцем. Потом, правда, поправил себя: русским быть лучше везде. Хоть в Африке, хоть на Марсе.

Когда я устроился на сиденье, водитель озвучил общий вопрос: «Все?» — и, услышав гул подтверждения, тронул автобус, аккуратно выруливая между продавцами. Выбравшись на проспект, он направился в сторону аэродрома, унося в своём кондиционированном салоне весь наш разномастный коллектив.

Дорога на аэродром давала возможность лишней раз рассмотреть экзотическую десятикилометровую ежедневную ярмарку.

Помню, в первой поездке по этому маршруту меня поразили горы мусора, которые никто не убирал. Как объяснил переводчик, эти горы не становятся Эверестом, потому что ежемесячные ураганы уносят часть в джунгли, и мусор этот я смогу наблюдать даже за сотни километров от столицы. По этой причине профессия дворника в этой африканской столице наименее востребована.

Хохот в салоне автобуса отвлек от созерцания товаров и продавцов. Оказывается, Виталик, наш переводчик с французского, рассказывал про очередную затею ООНовцев, которые всегда поражали своей дикостью и космической суммой финансирования этой дикости.

На этот раз проект подразумевал устройство на реке Конго зон безопасной стирки белья. То есть в нескольких метрах от берега в дно вбивали сваи и территорию отгораживали стальной сетью, что делало невозможным контакт крокодилов со стирающей белье прачкой. Маразм этого многомиллионного проекта был в том, что никогда крокодилы не нападали на прачек по причине отсутствия самих крокодилов в этой части реки. Те отчёты, которые сплошным потоком шли в программный отдел ООН, с указанием деревень и даже фамилий жертв крокодильего произвола, были от начала и до конца фантазией ООНовцев.

Негры, привлекаемые на эти работы, относились совершенно без эмоций к очередному чудачеству белых людей. Естественно, что эту затею, как, впрочем, и все предыдущие, местные жители никак не увязывали с заботой о них самих.

В этой ситуации ни у кого даже не возникало мысли понять суть идеи в белых головах благодетелей. Понять

непостижимое могли только шаманы. Но они хранили это понимание глубоко в недрах своего исключительно-го сознания, защищаясь от любопытных морщинистой маской безразличия к происходящему.

Автобус заехал на аэродром, и все как по команде замолчали, так как за ангаром нас должен был встречать Федя и этот момент был ритуальным в начале каждого рабочего дня. Поворот, пальма, а вот и Федя. Он стоял на указанном ему месте, приложив руку к головному убору. Водитель посигналил ему. Автобус остановился.

Теперь как раз о Феде.

У Клиффорда Саймака в «Заповеднике гоблинов» есть персонаж Оле-Оп, неандерталец, которого экспедиция во времени вытащила, образно говоря, из котла, когда его племя планировало им поужинать. Оле-Оп был очень благодарен спасителям. Так вот, Федя был маленьким, около метра сорока, пятидесятилетним мужчиной, которого наши ребята обнаружили месяц назад связанным в хижине при зачистке деревни. В отличие от Оле-Опа им планировали позавтракать. Оставлять его в джунглях значило просто отложить трапезу соплеменников Феде. Те ребята серьёзные. Если решили съесть, значит, так тому и быть.

Хоть переводчик и говорил, что Федя сам людоед со стажем, командир принял решение забрать его с собой. В итоге мы оставили его на аэродроме, возложив на него обязанности по уборке бытового мусора на территории.

Спальное помещение ему определили в аккумуляторной мастерской, благо это помещение имело отношение к аккумуляторам только на бумаге. Раньше там оставался ночевать дежурный электрик, но после передачи обязанностей по освещению аэродрома союзникам спальное место стало вакантным.

Чтобы Федя окончательно не шокировал своим реликтовым видом всякого рода проверяющих, со склада была получена камуфлированная форма самого маленького размера, так как на эту форму спроса всё равно бы не нашлось (реально как из магазина «Детский мир»). Кладовщик отдал её без привычного нытья об отсутствии накладной, присовокупив, что для хорошего людоеда и спецодежды не жалко.

Имя Федя было ему присвоено как производное от его собственного, где в передаваемой какофонии согласных угадывалась буква «Ф».

Вы можете себе представить мужскую ногу тридцать третьего размера? Я тоже не мог, до знакомства с Федей. Ему была поставлена задача укоротить когти на ногах и дано разрешение ходить в шлёпанцах в связи с невозможностью обуть в ботинки.

Помню день, когда Фёдор надел новенькую форму и подпоясал её укороченным вариантом армейского офицерского ремня. Вкупе с его морщинистым лицом, переломанным носом, свирепыми глазами в глубине глазниц — военная форма придала ему вид маленького дьявола войны.

Он смотрел на своё отражение в стеклянной двери долго и внимательно. Изучал. В этот момент что-то поменялось в этом человечке. Он не поправлял воротник, не разглаживал складки под ремнём. Он просто стоял и смотрел на себя. Автобус привёз обед, но Федя, всегда внимательно отслеживавший прибытие пищи, даже не обернулся. Не знаю, сколько ещё он стоял возле стеклянной двери. Я ушёл обедать.

Наверное, каждый хоть раз слышал смиренные правила, что не важно, во что ты одет, главное, чтобы чистенькое. Хоть бедненькое, но глаженое. Главное, что внутри... Ну, вы поняли. Я ничего не имею против этой позиции.

Да, золотые цепи и парчовые портянки не могут поменять суть и мысли...

Но военная форма — это совсем другое. И пигмей Фёдор заставил меня признать факт изменения личности именно изменением внешнего облика.

Нередко, когда экипажи улетали на задачи и садились непредвиденно на других аэродромах, у нас оставались лишние контейнеры с обедом. По традиции мы отдавали их в конце дня ребятам из местного караула. Молодые чёрные парни из деревень, призванные в вооружённые силы этой банановой страны, естественно, всегда хотели есть. Меня поймёт тот, кто сам был молодым и служил в армии. Молодость и аппетит всегда неразлучны. Они с радостью принимали от нас герметичные контейнеры с котлетами и картошкой.

В свою очередь, когда нам нужно было помочь, например, перекатить вертолёт или разгрузить прилетевший транспортник, они с радостью (реально с радостью), сняв автоматы и бронежилеты, быстро и весело выполняли дневную задачу за полчаса. Конечно, мы были им очень благодарны. После наших слов признательности наиболее продвинутые бойцы, смеясь, отвечали: «Путин — хорошо, французы — плохо!»

Фёдор, влившись в наш коллектив, самостоятельно стал расширять круг своих обязанностей. Утром во всех висячих умывальниках была вода. Он таскал воду ночью из машины-водовозки, которая стояла на дальней стоянке. Теперь не надо было в течение дня уговаривать вечно занятого водовоза заполнить ёмкости. Правда, тот как-то буркнул, что, мол, нельзя без него подходить к машине, и если он кого-то заметит... ну и описание репрессий... Узнав об этом заявлении, Скиф, логист авиаперевозок, чемпион России по боксу (ныне тренер), спрогнозировал водовозу его будущее, если тот хоть мяукнет в сторону

Феди. По сути, Федя своими ночными водоносными работами разгружал водовоза, но «сам дрожу, фасон держу» — вот надо обязательно подчеркнуть, кто в машине главный...

Негры из караула относились к Феде с подчеркнутым уважением, тем более что теперь вечерняя передача пайков, невостребованных экипажами, была в обязанностях Феде. Смешно, конечно, было смотреть, как Федя ругает двухметрового бойца за то, что тот не убрал кожуру манго, почистив его прямо на стоянке. Реакция провинившегося была моментальной. Собрав кожуру, тот заверял, что этого не повторится. Логично спросить: как мы понимали их диалог? По жестам и интонациям. Если надо было объяснить что-то мудрёное, звали переводчика.

У Феде было своё пластиковое кресло. Завершив дела, он садился в него и смотрел на стоянку. Занимаясь межполётными работами в кабине своего вертолёта, я часто смотрел на него. В это время он был уверен, что один. Судя по мимике и движению губ, он с кем-то разговаривал, кого-то ругал, чему-то радовался. Иногда смеялся. Кто-то сказал, что ему пятьдесят лет. А может, все семьдесят? Скорее всего, он сам не знал. Форма, в которой он находился на аэродроме, была всегда чистой. Мы не понимали, когда он успевает стирать, так как подменной одежды у него не было. Заблуждение, что в Африке всё сохнет моментально. В пустыне — да. Но в полосе джунглей дикая влажность, и на улице бельё может сохнуть дня три... Скорее всего, Федя одевал стираную форму, не дождавшись, пока та высохнет.

Так прошло два месяца. Федя уже знал не менее двадцати русских слов. Конечно, ложка дёгтя не долго будет ждать рядом с бочкой мёда. Федя стал курить. Сигаретами его обеспечивал водитель автобуса Сергей. У них вообще завязалась тесная дружба на базе безделья водителя

между поездками и умения Феде слушать, не перебивая. Как-то я заметил, что Сергей что-то записывает в блокнот, а Федя ему медленно повторяет какие-то слова. Оказывается, эти товарищи решили поделиться языками: русским и санго. Вот тут попёрло... Федя начал всех доставать с оценкой своих успехов в произношении новых слов. И не удивительно, что в его монологах стали проскакивать слова из ненормативной лексики. Правильно, учитель кто...

Федя на аэродроме стал незаменимым работником. Так как он сто процентов времени находился там, то мы ему поручали дела повышенной сложности и ответственности: передать деньги перелетавшему транспортному экипажу в выходной день, напомнить дежурному включить в полночь подсветку взлётной полосы для садящейся «Сесны» геологов, выдать по банке консервов по окончании помывки вертолёта шабашникам и многое другое.

Осенью подошёл срок нашей замены. С нами менялись экипажи Ан-28, и оставшиеся местные франки они отдали Феде. Чтобы было понятно, обращусь к курсу: сто российских рублей — это тысяча франков (грубо). Французский батон (багет) стоил сто пятьдесят франков. Так вот, Феде оставили двадцать тысяч франков. Он упирался руками и ногами, отказываясь даже в руки брать такую астрономическую сумму. Но ребята на Ан-28 все не меньше девяноста килограммов и в плечах как Федя в длину. Одним словом, убедили не отказываться. Вечером у Феде поднялась температура. Мы ещё смеялись, что неожиданно свалившееся богатство по-разному влияет на организм...

Наш медик, не разделяя общего веселья, сделал Феде тест на малярию. Результат оказался положительным. Тут же фельдшер прочитал краткую лекцию о том, почему мы нигде не видим чёрных стариков. Они умирают

от малярии. До определённого возраста организм её побеждает, а потом — она его. До старости доживают только богатые. Федю надо срочно госпитализировать, ибо итог однозначный — кирдык.

Команду садиться в автобус все игнорировали. Медик связался с военным госпиталем, но там категорически отказались класть местного жителя. Сказали обращаться в больницу. Тогда командир экипажа Ми-8 набрал зама по тылу, с которым был в дружеских отношениях, и долго объяснял ему ситуацию. Наконец было принято решение отвезти нашим транспортом больного в нашу санчасть и поместить в лазарет безо всяких документов.

К этому времени Федя совсем сдулся. Сергей уложил его на диван в корме салона автобуса, и мы осторожно тронулись. Настроение как вырубил. Федя смотрел на нас с благодарностью, совершенно не понимая, куда его везут. Потом он начал что-то бормотать, достал подаренные деньги из кармана и указал на водителя. Я передал купюры Сергею. Тот молча положил их в нагрудный карман.

Рация, которая висела у меня на поясном ремне, оборвала похоронную тишину салона:

— Всем, циркулярно! Сегодня ночью, в три ноль-ноль, вылет «большого»! Сбор отпускников в два ноль-ноль с вещами у штаба. Проверить наличие документов. Старшим групп: осмотр личных вещей на предмет запрещённых к перевозке. Контроль списков в девятнадцать ноль-ноль в штабе. Отбой!

В салоне началось что-то невообразимое. Отпускники, и я в том числе, выкрикивали что-то типа: «А я говорил, что этот день наступит, а мне не верили!» Те же, кто оставался, бурчали: «Вот сволочи...» — но тоже улыбались. И Федя улыбался, хотя и не понимал причины нашего веселья. Так, за компанию.

С первых метров движения по заснеженной улице супруга начала выражать недовольство тем, что поездку по магазинам мы начинаем не с магазинов, а совсем наоборот: с поездки в Управление — неизвестно зачем, если я в отпуске. Ответ, что мне это очень нужно, её не устроил. На объяснение, что должен связаться по закрытой связи с Африкой, последовал резонный вопрос «Зачем?». Я промолчал и катил дальше по заснеженной дороге, слушая новости и не обращая внимания на демонстративно молчавшую супругу.

Припарковав машину, я заверил моё «солнышко комнатное»: «Буквально пять минут» — и, не обращая внимания на брошенное в спину «Так я и поверила», вошёл в Управление.

На узле связи в этот день дежурила Наталья Романовна. Она была самая возрастная из дежурных связистов и съела не одну собаку на умении связывать несвязуемое. Я понял, что мне повезло.

— Наташенька, — начал я без здрас-сте, — у меня супруга в машине мёрзнет... Соедини по скоренькому с Океаном, очень надо...

Наталья Романовна вздохнула и начала колдовать с клавиатурой.

— А печку включить не пробовал? В декабре помогает, — бубнила она, щёлкая по клавишам, — или бензин экономишь?

— Ну ты что, это условие супруги. Акт шантажа, так сказать... Мол, удержишься, я замёрзну...

Она отвлеклась от монитора:

— Я бы не стала так доверять мужчинам... Даже мужу.

В это время раздался зуммер, и Наталья Романовна откинулась на спинку кресла:

— Чёрная труба на столе. Соединение есть. Справа кнопка.

Я взял трубку и активировал.

— Слушаю. Океан, — раздалось в динамике.

— Рекон, это Колин! Привет! Я сейчас на Рубине.

— Колин, здорово, чертяка! Каким ветром?!

— Слушай, мы улетели, а там Федю-людоеда с малярой положили... Как он, не знаешь?

— Ты для этого звонишь, что ли?

Наталья Романовна смотрела на меня не моргая.

— Тебе трудно сказать?

— Нет, нет, не трудно. Это ж ваш сын полка... Хотя и возрастной. Нормально всё. Вытащили... Негры вообще плохо маляру переносят, а этот выбрался... Как сам? С наступающим!

Я почувствовал дикое облегчение. Живой Федя! Хотя какой он, на хрен, Федя...

— Спасибо, всё ок! Всем привет! Также с наступающим. Федю тоже!

— Обязательно! Хорошего отпуска. Отбой...

— Отбой, — сказал я замолчавшей трубке и положил её на стол.

— Всё? — спросила дежурная по связи.

— Ага, — сказал я, вставая, — с наступающим вас!

— И тебя, и супругу твою с праздником. Только я не поняла, про кого ты там спрашивал. Людоед — это позывной такой, что ли? Это же надо додуматься так назвать...

Уже в дверях я обернулся:

— Людоед — это по жизни, а позывной — Федя...

***

Увидев меня сияющим, супруга сменила гнев на милость:

— Всё нормально?

— Да, — сказал я, пристёгиваясь, — жив Федя...

— Ну, хоть у этого нормальное имя, а то вечно какие-то Клёпы, Тролли, — прокомментировала она, усаживаясь поудобнее. — Завтра в соборе будем, свечу за здравие поставь. Поехали...

— Поехали, — повторил я, выводя машину на проспект.

Две недели до Нового года. И старикам надо позвонить — и своим, и её. Пусть живут долго-долго. Мы ведь не в Африке...

Всё-таки я больше ели люблю, чем пальмы...

Ноябрь 2022 г.